Рисунок Настасьи Поповой

Вы помните ли то, что видели мы летом?

Шарль Бодлер. Падаль

1. АРМАТУРА

Двое бегут по песку к озеру. Поодаль, у станции метро «Озерки», шуршат запоздалые машины. Счастливые обладатели дач жмут на газ и грезят о шашлыках и бане. Нагретая телами купальщиков вода неподвижна.

Двое бегут по склону, и я вижу их как в замедленной съемке. Разлетается тонкими брызгами песок из-под пляжных тапочек, волнами проходят складки по тренировочным штанам и майкам. Но самая драматическая деталь — это метровые обрезки строительной арматуры, которые парни сжимают в своих руках.

Расстояние между нами тягостно сокращается. Нас, конечно, больше — семь человек. Из них две девушки. Мужчины как на подбор. Филипп, контрабасист группы Poachers, Илья Покойник, хахаль Светы Шерстобитовой в спортивном костюме, мой двоюродный братец и я. Мы достаточно трезвы и здоровы, инвалидов нет. Но состоим из мяса и костей, а это, как известно, материалы, требующие бережного, заботливого обращения. Арматуру они не любят. Я совсем не против упоминаний о своей персоне в печати. Но фигурировать в разделе происшествий какой-нибудь паршивой газетенки в качестве «тела мужчины» мне не интересно.

Черепно-мозговая травма? Прекрасно! В возрасте от тринадцати до шестнадцати лет — просто восхитительно. Если ты выжил, то гарантированно становишься героем класса на целую неделю, с достоинством ловя заинтересованные взгляды девочек. Мальчики, естественно, завидуют, но что есть то есть, удача улыбнулась именно тебе, и даже после того, как снимут бинт, на голове останется кое-что интересненькое.

Мне грешно пенять на судьбу. По моим отметинам можно изучать историю клубного движения в Ленинграде и Петербурге. Сверху на лбу — двухсантиметровый горизонтальный «Рок-клуб», справа — осколочный Indie, слева — тянущийся от виска до середины шеи «Фиш Фабрик», осложненный некрозом, а потому не очень красивый.

Сегодня у меня день рождения — двадцать шесть лет. Именно поэтому мы стоим на берегу озера с былинным названием Верхнее Суздальское, держа в руках белые пластиковые стаканчики, наполненные водкой и колой. Полчаса назад, после целого дня съемок, мы выбрались сюда из бара «Король Плющ», усталые, но готовые провести драгоценный остаток праздничной ночи на лоне природы.

Мы снимаем клип на песню моей группы. Вообще-то иметь независимую рок-группу — дело нервное, убыточное и даже при очень больших усилиях практически безнадежное. Что-то вроде попыток вырастить ананасы в сибирской тайге. Конечно, иногда ананасы получаются. Такие маленькие, твердые и очень похожие на шишки. Но я непреклонен, как муха, раз за разом ударяющая собственной головой в стекло. Мухе невдомек, что окно закрыто. Мне тоже кажется, что я просто недостаточно стараюсь.

Клип в этом деле — вещь совершенно необходимая. Его, конечно, покажут по MTV, потом на локальных телеканалах — и пошло-поехало. «А подать нам Scary B.O.O.M., этих чертовски талантливых ребят со своеобразным стилем и безупречным вкусом!» Так вот они мы, пакуем чемоданы. Кто сказал, что девяностые — эпоха безнадеги и уголовного ренессанса? Только не я. Преддверье нулевых — эпизод «Новая надежда». Два месяца назад, стоя на перекрестке Будапештской и Димитрова под весенним дождем и читая расплывающиеся буквы напечатанного на принтере имейла, я знал, что история не совершает ошибок, а земной шар летит точно в цель. В сообщении, пришедшем от моего британского менеджера (вот так роскошь!), говорилось о том, что японская фирма готова подписать контракт на выпуск нашего первого альбома и выслать деньги на съемку клипа. С трудом оторвавшись от текста, я огляделся вокруг. Безупречные пивные ларьки. Прохожие с усталыми, но благородными лицами. Величественные, как пирамиды инков, бетонные дома. Ласковое серое небо.

2. САКУРА И ДУБ

Подданный Елизаветы Второй Реджинальд Мак-Миллан — человек прямолинейный. Менеджер он опытный, в возрасте, и знает, что музыканты, в какой-то мере, конечно же, друзья человека, но держать их надо на коротком поводке. Однажды он устроил мне выговор за то, что я с большим запозданием отвечаю на его имейлы. Он не догадывался, что с той поры, как мы перестали обмениваться бумажной корреспонденцией, у меня мало что изменилось. Компьютера у меня не было. Почту получал мой школьный товарищ Виталик Грибов. Потом он дозванивался до меня по городскому телефону. Мы намечали время встречи, я садился на трамвай и ехал к нему в гости — читать письмо из Англии. Вернувшись домой, я брал разговорник для деловых людей и переписывал на лист бумаги фразы, которые хоть немного соответствовали сути моего ответа. Оставшиеся смысловые провалы я кое-как забрасывал известными мне английскими словами. Полагаю, что стиль моего письма наводил Реджи на мысль о редком психическом расстройстве.

«*Многоуважаемый Реджинальд!*

Искренне рад Вашим новостям, касающимся нашего совместного проекта. По Вашему запросу спешу сообщить, что меня по сегодня не иметь совсем компьютер, ходить опять друга и потеряем большой время. Мы с нетерпением ожидаем упомянутые Вами контракты с тем, чтобы передать их нашему юристу. Перевод указанной Вами суммы может быть осуществлен с помощью книга приходов-расходов Сбербанк доллары, сделал завтра-послезавтра.

Искренне Ваш, Кирилл».

Я ставил подпись и шел звонить Виталику, чтобы снова напроситься к нему на сеанс интернет-связи. По ходу набора письма он тоже входил в творческий раж. «Сейчас, кстати, — сообщал он, — модно вместо слова for ставить просто цифру 4». Отлично! Пускай Редж знает, что мы тут не лаптем щи хлебаем. После исправлений мы пуляли свой шизофренический шедевр прямиком в Бейзингсток и еще немного, сидя перед маленьким пузатым монитором, рассуждали на тему непостижимости технических новинок современности.

Странно, но Редж, похоже, понимал, что я имею в виду, и даже продолжал наше общение. А через некоторое время у меня появились компьютер и еще один товарищ по переписке, господин Мунетоши Такаги. Он-то и был основателем лейбла Revel Yell Music. Его кособокий английский избавил меня от чувства лингвистической неполноценности, и мы стали друзьями, настолько, насколько это позволяли наши возможности. Сам Mune, как он величал себя на западный лад, был неравнодушен к игре на контрабасе и виски. Тяжелым трудом на рисовых полях (или где еще там) он заработал некоторый капитал, который решил вложить в издание разнообразных талантливых подвальных групп со всего света. Нашему будущему CD он присвоил порядковый номер RYCD003, а пластинке — и того почетней: RYLP001. Авторитет строгого Реджа, англичанина и менеджера легендарных The Krewmen, действовал на него как хорошая анестезия, и Мун безропотно отвалил нам денег на клип. Тысячу американских долларов, сумму, которая хоть и не открывала нам двери профессиональных видеостудий, но позволяла замыслить что-то поинтереснее прыжков с неподключенными электрогитарами где-нибудь на развалинах кирпичного завода. Предъявив старомодную сберкнижку в центральном отделении Сбербанка на углу Думской и Невского, коряво расписавшись в документах, я снял первую часть денег и, не чуя под собой ног, долетел до Апраксина двора, где разом приобрел себе светлые летние штаны и модные кеды. Как скромную плату за сценарий — уговаривал я сам себя, не более того. Немного успокоившись, я отправился домой звонить своему человеку с «Ленфильма», ибо такой номер действительно имелся в моем органайзере. Появился он совсем недавно.

3. ЧЕРНЫЙ ФРАЕР

Месяцем раньше я ехал в метро и заметил, что меня пристально разглядывает сидящая напротив старуха. Предположить я ничего не успел, потому что место рядом со мной освободилось, и она быстро ко мне подсела. «Молодой человек, — спросила она, — а у вас есть актерское образование?» «Эк, старая ведьма, — подумал я, — зрит прямо в корень», и, почуяв внутри мажорный аккорд, заявил, что да, имеется. Старуха удовлетворенно кивнула: «Так я и знала. Понимаете, в вашем лице есть все, что нужно. Вы очень подходите. Хотите сняться в кино?» Да, да и еще раз да! Она произнесла самые прекрасные в мире слова, равные по силе «Я тоже тебя люблю» из уст прекрасной девушки или «Можете идти» в исполнении сержанта милиции. Заповедная страна кино в лице Михаила Боярского, отпечатанного коричневой краской на модных холщовых сумках из моего детства, манила меня давно. В моей жизни был момент, когда я, будучи

еще пионером, подобрался к ней совсем близко, но — увы. Усталые люди, сидевшие в одной из приемных «Ленфильма», придирчиво осмотрели меня, выслушали исполненную дрожащим от волнения голосом песню и дали мне от ворот поворот. Роль положительного школьника, отпрыска безалаберного папаши в фильме «Без сына не приходи», досталась другому. Особенно бестактным со стороны худсовета было, конечно, то, что они тут же переметнулись на моего отца и стали зазывать его в мир искусства, объясняя, что вот у него-то внешность точно подходящая. Папа отшутился, и мы поехали домой.

И вот теперь — новый шанс. Бабуля записала мой номер телефона и оставила свой. «Завтра в три у "Ленфильма"», — сказала она и, приветливо улыбнувшись на прощание, вышла из вагона. «"Ленфильм", — задумался я. — Что же там сейчас снимается?» В голове, шумя и толкаясь, заплясали веселые нарядные мысли. «"Трудно быть Богом" — вот что!» — вспомнил я наконец. Конечно, главная роль мне не светит, но обратить на себя

внимание такого маэстро, как Герман, блестяще исполнив эпизод, — это уже неплохо. Даже великолепно. Я поглядел на свое отражение в темном окне вагона. Да, доспехи мне пойдут.

Сидя на следующий день на скамейке в сквере у киностудии, я без удовольствия обнаружил, что приглашен не один. Худощавый парень в линялой рубашке и джинсах, обрезанных выше колен, курил беломорину и выжидательно поглядывал на бабусю, которая что-то обсуждала с высоким носатым режиссером в черной футболке, нашим ровесником. Тот периодически бросал на нас взгляды и хмурился, то ли для порядка, то ли потому что ему действительно не очень нравился предоставленный человеческий материал. Наконец он подошел к нам. «Короче, так, — пояснил он. — Снимаем боевик. Вы двое — хулиганы. В детстве вы избили главного героя, и он принял решение защищать слабых. Понятно?» Чего же непонятного. У Бэтмена застрелили родителей, а этому — наваляли во дворе. Видимо, с какой-то особой жестокостью, потому что иначе причина так себе. По логике, все мужское население Купчино давно должно скакать по крышам в трико и черных полумасках.

Поймав старенькие «жигули», мы едем в район Ленинского проспекта, туда, где будут происходить съемки. «А почему именно там?» — спрашиваю я. «Там живет гримерша, — отозвалась наша бабуля, — и оператор. Он ее муж. Дай-ка попить». Старуха забрала у меня бутылку с водой. «Да не бойся, — игриво улыбнулась она, — СПИДа у меня нет». Глупые слова. После них, несмотря жару в кабине, к воде я больше не прикоснулся, а когда мы приехали, незаметно выкинул бутылку в урну.

Режиссер побежал звать гримершу, крикнув нам, чтоб мы не теряли времени и нашли пока мальчика. Мальчика? Главного героя? Вот так взять и найти? А если он будет не похож на актера, который играет взрослого мстителя? Я посмотрел на детскую площадку. Вот девочка роется в песочнице, вот ее дед с потасканной физиономией явно мечтает о пиве, тоскливо оглядывая знойный, заросший высокой травой двор. Я начал ходить вокруг домов. Было ясно, что происходит немного не то и в этот раз шлем с перьями вряд ли засияет на моей голове. Но опыт есть опыт, и отвергать его — значит так и не подняться на первую ступень к вершине киношной славы. Я вздохнул и увидел, наконец, мальчика. Решив не улыбаться, чтобы не пробудить у него нехороших мыслей, я сделал серьезное лицо и, подойдя к нему, начал описывать нашу ситуацию довольно взрослыми словами, чтобы уж точно не выглядеть сюсюкающим извращенцем. Не сказав ни слова, мальчик убежал. Бойкий парнишка, молодец. Я потопал по размякшему асфальту обратно.

Я вернулся, когда вся съемочная группа была в сборе. Старушенция уже наколдовала мальчика и его папашу в одинаковых синих трениках. Гримерша возила кисточкой в черном пластиковом пенале с красками. Мой коллега снова курил, а оператор выставлял баланс белого, нацелившись на органайзер режиссера, который тот открыл на пустой странице и прижал к груди. «Ага, — сказал он, глядя на меня. — Сейчас будем бить». Мальчик, робея, как-то особо неправдоподобно улегся под кустами сирени, а мы, хулиганы, встали по бокам и начали молотить носками своих кедов землю рядом с ним, да так, что вверх полетела вырванная трава. «Ага, ага. Теперь крупняки — злые лица». Оператор направил камеру снизу вверх. «Злые лица, ага». Мы скривили губы и нахмурили брови. «Ага, теперь улыбаются, радуются, гады», — подзадоривал нас режиссер. Я оскалил зубы и, заметив, что камера еще глядит на меня, засунул палец в ноздрю. Актерская наработка. Мало того, что мой герой — подонок, он еще и откровенно вульгарен. Это было скромное, но достойное проявление профессионализма, неброский намек на знание системы Станиславского. Довольный режиссер и сам улыбнулся, как упырь.

«Теперь ты. Мальчик... Ты поднимаешься. Они тебя избили. Гады. Но ты им еще покажешь. Поднимаешься и грозишь кулаком». Гримерша присела на корточки и быстро подмалевала парнишке голубой синяк и алую полоску в углу рта — кровь. Однако ее супруг опустил камеру. «Слушай, Глеб, — сказал он режиссеру, — это уже полная фигня. Ну какой кулак, ей-богу? Его только что ногами избили. Ну пускай он... пускай приподнимется чуть-чуть на руках, посмотрит им вслед и прищурит глаза». Режиссер согласился. Мальчиш, старательно изображая крупную дрожь страдающей плоти, недобро сощурил глаза. Снято. Бабка выдала мне малюсенький гонорар. «А как кино-то будет называться?» — поинтересовался я у главного. «"Черный фраер", — ответил он, задумчиво глядя вдаль. — "Черный фраер"». «А кто играет главного героя?» — «Я». Это было неожиданно. Круглолицый мальчишка с нарисованным фингалом — шатен и совсем не похож на режиссера — блондина с острыми чертами лица.

Домой я возвращался на метро. У пожилой женщины, сидевшей напротив, был яркий макияж и волосы, крашенные хной. Мне пришло в го-

лову, что она похожа на усталого клоуна. Я тоже ощущал упадок сил. Все-таки хулиган из студенческой работы — плохая замена средневековому рыцарю.

4. «ТИТАНИК»

До своей бабки я дозваниваюсь не скоро, но зато она меня сразу узнает. Я рассказываю ей о том, что снимаю клип и мне в первую очередь нужен хороший оператор. Старушка снова назначает мне встречу на «Ленфильме». Миновав проходную (бабуля просто машет рукой вахтеру), мы движемся по коридорам легендарной киностудии. На дверях — напечатанные на принтере названия телевизионных сериалов, известных и не очень. Вот «Улицы разбитых фонарей». У них в массовке снималась уже добрая половина города, включая Пашу Галкина, нашего бывшего контрабасиста. В первом эпизоде Паша с чулком на голове и пистолетом в руке требовал все деньги из кассы. Во втором — получал пулю в грудь и падал. Получилось хорошо, но больше Пашу не приглашали. Убит — значит убит.

Старый паркет под ногами поскрипывает, краска на стенах облупилась. У одной из студий толпятся чумазые люди в средневековых одеждах — массовка из «Трудно быть богом». Мы проходим мимо. Бабка открывает массивную дверь и ныряет в темный проем. Через минуту она появляется в сопровождении молодого человека, моего ровесника. Мы пожимаем друг другу руки. «Дима», — представляется он.

Дима Сахаров выглядит благополучно. Приличные кроссовки, джинсы, футболка, по-военному короткая стрижка. Я боялся увидеть творческого червя с немытыми волосами и желтыми от никотина пальцами, но — обошлось. По Диме видно, что стихов он в школе не писал, сюрреалистических картинок не рисует (как потом выяснилось, его любимый художник — Репин), а дела его идут хорошо. Мало того, что на поясе у него прикреплен пейджер, из кармана вдобавок торчит антенна мобильного телефона. У кинооператоров есть особый традиционный предмет одежды — жилетка со множеством карманчиков, сшитая из какой-нибудь плотной ткани вроде парусины. На Диме такая жилетка имеется. Однако она черная, кожаная.

Я вручаю ему CD и указываю трек, на который мы будем снимать ролик: «Сердце глубин». Мы договариваемся созвониться в ближайшее время.

Песня получилась очень изобразительной. Есть солнечное, умиротворенное вступление — я сочинил его под впечатлением от музыки Андрея Петрова к «Человеку-амфибии». Есть тревожная средняя часть в латиноамериканском духе, которую я прозвал «трагической ламбадой», и мрачная кода, после которой возвращается спокойная тема из начала песни. Я написал текст про кораблекрушение — айсберг, пароход и море, влюбленное в лайнер настолько, что хочет навеки поглотить его. История почти что про «Титаник». Наверное, вышедший через два года фильм Джеймса Кэмерона тоже повлиял на выбор песни для клипа. «Титаник» разом появился везде. В дешевых газетках и солидных журналах, на игральных картах и обтягивающих девичьи тела футболках с изображением обнимающихся Джека и Роуз. Девушки поголовно влюблялись в Леонардо Ди Каприо, мужчинам больше нравился пароход. Особое отношение к фильму возникло у владельцев прогулочных корабликов, которым популярная сцена на носу лайнера доставила немало головных болей. Над реками и каналами города разносились выкрики «Джек, я лечу!» и «Юху, я король мира!». Влюбленные пары покачивались на разнообразных речных посудинах, пытаясь устоять, обняться, раскинуть руки и поцеловаться одновременно.

На следующий день раздается звонок. «Слушай, а ты не хочешь, чтобы сценарий написал профессиональный режиссер? — спрашивает меня Дима. — Отличный парень, мой друг, окончил "кино и телевидения"». Дима рассказывает мне сюжет его короткометражки «Мечта». Водитель трамвая каждый вечер после работы приносит домой по одной детали и собирает посреди комнаты что-то, напоминающее гоночный автомобиль. Наконец в коробке из-под конфет «Мечта» он приносит автомобильный номер. Прикручивает его, садится за баранку и включает киноаппарат, который проецирует на экран бегущую под колеса гоночную трассу. Конец фильма. Мне кажется, что на трамвае ездить все-таки веселей, чем сидеть в комнате перед экраном. С другой стороны, идея ясна и выглядит законченной. Я решаю попробовать. К тому же мне очень интересно, какие образы моя песня вызовет в чужой голове.

Режиссер готов нас принять. Мы отправляемся к нему в гости. Он открывает дверь, и у меня в голове тут же раздается короткий тревожный сигнал. Свитер! Бесформенный свитер крупной вязки почти до колен! Не могу с определенностью сказать, почему обладатели такой одежды вызывают у меня неприязнь, хотя в целом обстоятельства ясны. Я полагаю, что мужчина должен стремиться к эдакой молодцеватости и элегантности, сродни

военной. Небрежно накинутая на плечо косуха в моем представлении — явная наследница гусарского ментика. Сапоги, джинсы, широкие ремни и прочие броские аксессуары сигнализируют мне о том, что где-то внутри их обладателя находится Д'Артаньян или Денис Давыдов. Человек благородный, склонный к авантюрам, ценящий общество прекрасных дам.

А вот что означают эти свитера? Почему их надевают, скрывая свою стать, художники, поклонники бардовской песни и русские хиппи? И тут у меня случается озарение. Власяница. Атрибут аскета. Инструмент умерщвления плоти, символ духовного роста и презрения к мирской суете. Нынешние вретища мягки на ощупь, но все также грубы с виду. Они призваны проводить черту между служителями подлинно высокого и адептами балаганного искусства.

Режиссер проводит нас в свою комнату и закуривает папиросу. Это уже вполне логично. Умерщвление плоти наиболее экономичным способом. Дима достает «Мальборо» из золотистой пачки. Режиссер заправляет за ухо прядь длинных волос и протягивает мне сценарий, горизонтально напечатанный на листах формата А4. Все оформлено очень солидно. В аккуратные таблицы внесены номер кадра, его длительность и описание происходящего.

«Па, — режиссер затягивается "Беломором", — сама по себе композиция красивая, па, мажорная. И первое, что приходит на ум? — солнечная, па, яркая картинка. Но я попробовал пойти ОТ ПРОТИВНОГО». Он испытующе смотрит мне в глаза. Я вежливо улыбаюсь, переворачиваю обложку и начинаю читать.

«Пляж. Песок, забросанный окурками. У костра сидит бомж и пальцами ест КОНСЕРВУ». Слово «консерва», которого я никогда раньше не слышал, производит на меня сильное впечатление. Наверное, это что-то из особого арго туристов высокого градуса.

Я пробегаю еще несколько строк и понимаю, что передо мной явный пример nostalgie de bue. Вот только откуда она берется? Какое-то особо стерильное детство, заставляющее с завистью поглядывать на резвящихся у помойки отпрысков алкоголиков?

Вместо морской катастрофы на экране мы увидим бар. А происходящее в нем будет иллюстрировать текст песни. Например, на словах «айсберг целует корабль» пышнотелая официантка должна в повороте грудью снести пивные кружки с подноса.

Под конец снова появляется бомж. Вечеринка с сигаретами и пивом ему привиделась. В финале значится: «просветленный» бомж бежит по пляжу».

«Па, па, па». Режиссер раскуривает новую неподатливую папиросу. «Интересно, — вру я, — надо подумать». Мне жалко его труда. Столько страниц, подробный хронометраж. С другой стороны, для первого разговора нам хватило бы и сценарной заявки.

Мы с Димой покидаем квартиру Режиссера. Долго объяснять свое решение — работать над сценарием самому — мне не приходится. У Димы нет склонности к антиэстетике. Возможно, он и сам ожидал от своего друга чего-то иного. Мы прощаемся, и я сажусь в троллейбус. Доехав до угла Димитрова и Будапештской, выхожу, чтобы немного пройтись. Задумавшись о любви некоторых представителей искусства к отвратительному, захожу под арку дома 71 по Будапештской. Тут я провел свое детство. То еще было местечко.

5. ГРЯЗЬ

В какой-то степени этот двор был особенным. Все дело в винном отделе нашего гастронома. Он был единственным на весь микрорайон. Из окна я видел длинную очередь, иногда в пару витков, которая медленно вползала в магазин. Наблюдать за ней было интересно, потому что порой в ней возникали потасовки. Со второго этажа я смотрел, как человеческая многоножка движется, постоянно прирастая со стороны хвоста.

А внутри двора высились лабиринты из посеревших деревянных ящиков со ржавыми жестяными уголками. Специально отведенные для этого архитектором ниши тару не вмещали, и семейство ящиков постоянно разрасталось, заполоняя двор еловыми небоскребами, каждый из которых опасно кренился и пах свои продуктом — портвейном, капустой или кефиром.

Двор был постоянно грязен, и по асфальту к люкам струились зловонные ручейки. Люди, заходившие в него сразу после покупки бормотухи, были неприятны. Они перелезали через скромный заборчик моего детского сада и свободно располагались на наших скамеечках, оставляя после себя груды винных бутылок зеленого стекла. Завсегдатаями посиделок были и рослые братья-близнецы из нашего дома. Выглядели они, по тогдашним меркам, весьма модно. Черные, с проседью, волосы до плеч, усы подковой и джинсовые клеши. Правда, увидеть их вместе почти не удавалось. Пока один сосал портвейн из горлышка, второй сидел в тюрьме. А потом они менялись местами.

Иногда мои дворовые дружки, хихикая, приглашали меня полюбоваться на какого-нибудь пьянчугу, уснувшего в высокой траве со спущенными штанами. Самым привлекательным свойством нашего двора была его особая алкогольная эргономичность. Цикл протекал в идеальных условиях. Снаружи находился винный отдел, из которого можно было проследовать внутрь, к детским площадкам с удобной уличной мебелью. После — сдать бутылки в пункте приема стеклотары в подвале и снова отправиться в винный. Утром поклонников Бахуса ожидал находящийся тут же пивной ларек и возможность завязать полезные знакомства прямо в очереди, а потом, оросив разбавленными «жигулями» новую дружбу, снова отправиться в пункт А. Волшебный круг замыкался, и опухшие гедонисты крутились на своей карусели забвения, пока милицейский козелок не возвращал их на время в скучный прямолинейный мир.

Хотя и в нем порой находилось место для сказки. Тогда под Новый год на экранах черно-белых телевизоров наравне с «Обыкновенным чудом» в экранизации Захарова мерцала еще одна история любви. Простой медик, напившийся в бане, получал в награду за свое беспутство волшебную пани, способную за пять минут экранного времени обойти весь ленинградский центр. Прекрасный миф о Лукашине мог убаюкать совесть любого выпивохи, наглядно показывая, как святая непосредственность алкоголика побеждает пошлый рационализм сытого ипполита в собственном авто.

А потом мы покинули Будапештскую и переехали на Купчинскую. Грязь исчезла. Под окнами цвела сирень, вокруг детской площадки росли тополя. В доме не было ни магазина, ни приемного пункта. Единственным намеком на неблагополучие была крупная надпись масляной краской на трансформаторной будке: «Носаль — гроза двора». Но позднее оказалось, что Носаль, который чуть не повесил свою бабку, надышавшись «Момента», давно сидел в дурдоме.

Грязь вернулась позже, когда сбылась моя мечта: я обзавелся собственной рок-группой и начал выступать в клубах. В публичных помещениях хозяева старались соблюдать порядок, но в гримерках дела обстояли по-другому. Стены, до черноты исписанные названиями групп и примитивными изображениями гениталий. Прожженная окурками обивка стульев и кособокие столики, липкие от пива. Это были тайные гнездовья музыкантов, куда они отправляются после токования на сцене, чтобы полакомиться алкоголем.

Как правило, гримерка выполняет роль чулана, в который стаскивают все, что не годится для глаз достопочтенной публики: от мертвой аппаратуры до отключившихся посетителей. Хотя далеко не каждое тело ждал приветливый линолеум потайной комнаты. Она открывала свои объятия только самым близким друзьям клуба и наиболее почтенным музыкантам. И прилипший к щеке окурок, как след от поцелуя красотки, не стоит торопиться смывать.

И все-таки я так и не смог полюбить грязь. Она совершенно не кажется мне поэтичной.

6. КУЛЬТУРА

Когда есть конкретная задача, сценарий писать, в общем-то, не сложно. Когда дело доходит до свободного творчества, то от обилия возможностей становится как-то не по себе. А что я вообще хочу сообщить миру? «Привет! Я существую»? Маловато для четырех с половиной минут.

Помимо студенческих этюдов, предназначенных для сцены, у меня за плечами — две постановочные съемки. Первая — видеоклип на песню I like to scream, простенький комический хоррор, снятый на собственные деньги Scary B.O.O.M. Вторая — настоящий рекламный ролик, появившийся на свет как промежуточное звено целого ряда действий, направленных на достижение куда более высокой цели — издание первого русского сайкобилли-видеосборника Psychoburg.

Чтобы получить необходимую сумму для покупки коробок и видеокассет, я измыслил следующую схему. Хозяевам рок-магазина «Культура» на Московском проспекте, Косте и Лене, я предложил снять рекламный ролик в обмен на скромный денежный вклад в историю петербургского сайко. О предоставлении камеры, оператора и монтажки я договорился со своими друзьями — Жуковым и Максаковым, которые выпускали на «22-м канале» передачу «Музыкальные джунгли». Им я посулил нарисовать за собственный счет задник для их передачи. Все согласились, и я приступил к работе.

Идея родилась быстро, актер согласился сразу. Им стал Илья Обумов по прозвищу Покойник — старый друг и просто колоритный крупный парень, готовый к авантюрам разного рода. В назначенный срок мы с ним приехали на «Приморскую» и двинулись к многоэтажке на курьих ножках. В ней, на техническом 22-м этаже с низкими потолками, расположился «22-й канал», который круглосуточно крутил разнообразные музыкальные клипы — от дорогущих западных до петербургских самоделок. Я усадил Покойника на табуретку в студии

и включил в розетку электробритву. Максаков устроил на плече камеру формата Betacam. Поехали! Я брил покойницкую голову, Владик снимал, а сам Покойник скрежетал зубами от боли, потому что бритва была плохо смазана, плохо настроена и нещадно драла волосы, выжимая из глаз Ильи настоящие слезы. Спустя тридцать минут съемка была окончена. Новоявленный скинхед убежал в туалет мыть голову «Фэйри» а мы отправились в монтажку — сгонять материал. Саундтрек я принес на кассете. Это была песня Ministry Stigmata, которую я самостоятельно перемонтировал дома на двухкассетном магнитофоне. Теперь в ней нет вокальных частей, и она значительно укорочена.

Максаков сел за монтажный пульт, я сбоку и чуть сзади, как и положено. Но вскоре стало ясно, что Владик далеко не такой крутой телевизионщик, каким кажется, когда артистично затягивается сигаретой в курилке и травит профессиональные байки. Он часто выходил, чтобы справиться о технических тонкостях у начальника «22-го», и очень скоро рассерженный директор, больше похожий на преуспевающего бандита, чем на творческого работника, сам, не снимая пальто, сел за пульт и принялся крутить просмотровую ручку.

— Так? — не поворачивая головы, спрашивал он у меня, и по тону мне было ясно, что ему совсем неохота заниматься нашими глупостями. — Что теперь?

— Вот, — протянул я ему дискету, — логотип.

Волшебным образом логотип рок-магазина «Культура» оказался на экране. Мрачные гулкие удары, записанные Йоргенсеном со товарищи, знаменуют окончание ролика, славящего петербургский магазин. Директор нажал кнопку, и я в первый раз просмотрел свое творение.

«Рара-дадам» — заревела злая перегруженная гитара.

«ЭТО» — появились на черном экране желтые буквы.

В кадре — Покойник, моя рука, электробритва и волосы, падающие с его головы. Видно, что у Ильи мучительно сжаты губы, но под звуки индастриел ясно, что перед нами — настоящий громила, который только и ждет, когда сможет выйти на улицу, чтобы перевернуть ближайшую машину и поджечь дом престарелых.

Футболки. Футболки. Перстни с черепами. Высокие ботинки. Перстни с черепами.

«Рара-дадам» — монотонная гитара безразлична к человеческому страданию.

«ТВОЯ» — желтые буквы зажглись во тьме.

Волос на голове все меньше. Громила оскалил зубы — ему хочется свежей крови.

Рюкзаки. Рюкзаки. Футболки с черепами. Высокие ботинки. Рюкзаки с черепами.

«КУЛЬТУРА» — читаем мы выбритые на голове изувера буквы.

Тьма.

Желтые рваные буквы — логотип магазина. Адрес.

«Это все?» — Директор в малиновом пиджаке наконец повернулся ко мне.

«Да».

«Если позвонит Коля, — закричал кому-то директор, выбираясь из-за пульта, — скажите, что я поехал за деньгами. Если Петр Александрович — скажите, что деньги еще не пришли».

Записав ролик на вэхаэсную кассету, я вручил ее владельцам «Культуры», а сам приступил к завершающему этапу комбинации.

В «Гостином дворе» я приобрел отрез черной хлопчатобумажной материи и большую банку цинковых белил. Разложив кое-как будущий задник на полу своей комнаты, я начал рисовать. Сначала мелом — набросок, потом красками. Смешав белила с цветной гуашью, я изобразил переплетенные лианы: вместо листьев у них были гитарные грифы и штекеры, вместо бутонов — конги. Изображение музыкальных джунглей происходило медленно. Надо было ждать, пока краска засохнет, отматывать новый кусок полотна и только тогда — продолжать. Спустя несколько дней я завершил работу. Аккуратно сложив заметно потяжелевшую ткань, я отправился на «22-й». Прием работы закончился неожиданно. Глядя на пришпиленную к стене студии ткань, мои друзья нахмурили брови. Задник не годится. Он слишком контрастный, и ведущая программы Маша будет на нем пропадать. Мои психоделические выверты с грифами и конгами их тоже не обрадовали.

Да и на небе тучи, а тучи, тучи,
А тучи, как люди, как люди они одиноки.
Но все-таки тучи не так жестоки.

Из-за приоткрывшейся двери аппаратной до меня долетели звуки нового хита «Иванушек», и вместе с ними пришло горькое озарение. Надо было сначала утвердить эскиз! Почему я решил, что их порадуют мои рисунки? Потому, что мы вместе учились в институте? Глупость. Теперь в моих руках оказалась измазанная белилами тряпка, на которую я истратил последние деньги. Вне телестудии за нее не дадут и бутылки пива.

Я вышел из ногастого дома и пошел вдоль Смоленки. Ветер с Финского залива толкал меня в спину — «Проваливай!». Я шел, мрачно прикидывая,

куда можно деть негодное полотнище. Шанс был. Но только один.

Помимо «Музыкальных джунглей» в нашем городе была еще одна программа, посвященная рок-музыке. «Лестница в небо» Димы Журавлева на «36-м канале». Пару раз я ее видел. Дима с рыжими волосами до плеч сидел перед камерой на фоне невзрачного задника, ставил клипы и рассказывал о новостях сцены, делая упор на «Короля и шута», которым он приходился администратором. На следующий день я решил ехать к нему.

В помещении «36-го», занимавшего обширную квартиру на первом этаже старого дома, пахло гречневой кашей с мясом — обычным обедом сотрудников канала. Я разложил свой черный психоделический парус и рассказал заранее заготовленную легенду, чтобы не выглядеть совсем уж неудачником. По моей версии, на «22-м» решили сделать передачу про музыку, а потом раздумали. И подготовленный реквизит оказался ненужным.

Диме задник понравился. Ему уже до смерти надоело сидеть на фоне пустой стены. Подошедший лысоватый оператор тоже внес оптимистичную ноту. «Кстати, — произнес он, поглаживая бороду, — в свете приборов эти лианы будут здорово светиться». «Федя, — обратились они вместе к мужчине в белом плаще, — смотри, какой нам задник принесли». «М-да, — сказал Федя, — и сколько он стоит?» Я назвал сумму. Мужчина поморщился. «Федор, — вступился Журавлев, — у меня нет задника нормального. У любого солидного канала их десятки, а у нас ни одного нет. Надо брать». Директор полез в карман, достал бумажник и вынул деньги. «А подешевле?» — спросил он у меня, но я сделал скорбное лицо и развел руками. Федор вздохнул и выдал мне пару бумажек. Я тоже вздохнул в знак солидарности.

Шагая по Ординарной обратно к «Петроградской», я улыбался, чувствуя себя ловким пройдохой. Вырученных денег хватит не только на новое полотно для «Музыкальных джунглей», но и на шаверму с «Балтикой» у метро.

7. «ТИТАНИК»

Время идет, а подходящая история не сочиняется. Я придумал пару вариантов, но для одного мне требуются очень хорошие и взрослые актеры, а для второго — компьютерная графика и дорогостоящие декорации. Ни того ни другого, даже обладая величественным бюджетом в тысячу долларов, я себе позволить не могу. Процесс создания клипа начинает буксовать. Мне помогает вагон поезда Москва — Петербург. Я возвращаюсь домой после нескольких дней, проведенных у сестры. Ночи еще довольно холодные, а отопление уже отключили. Пытаясь заснуть, я впадаю в странное состояние. Видения становятся реалистичными и достоверными, как в глубоком сне, однако я могу ими управлять. Я в кинотеатре. Работает большой проектор, его луч освещает экран над заполненным залом. Посетители смотрят черно-белый фильм о гибели гигантского корабля. Чего не хватает в истории про «Титаник»? Его спасения. Как это можно сделать? Просто переключить проектор в обратную сторону. Так и поступает невысокий полный механик, когда до катастрофы остается лишь несколько секунд. Пролетая над залом, я увидел и зрителей, каждый из которых по-своему реагирует на неожиданную концовку. Вот парень в черном пиджаке с бледным, как у вампира, лицом. Надменная красавица с бабеттой на голове, невозмутимый неформал с красным ирокезом и его подружка. Наконец-то. Остается собрать конструктор из призраков и записать историю на бумаге. Я крепче кутаюсь в колючее одеяло, прижимаюсь спиной к перегородке и наконец-то погружаюсь на дно.

Распределение ролей не заняло много времени. Киномехаником будет Миша Морозов, профессиональный переводчик, оказавший неоценимую помощь в подготовке к записи наших английских текстов. Он человек корпулентный, а про полных людей известно, что они обладают природной органичностью. Вес придает их движениям плавность, не дает зажиматься или суетится. Но Миша не похож на веселого пекаря. Его лицо, окруженное курчавой бородой, легко представить на средневековом европейском портрете — зажиточный горожанин, увлекающийся науками, задумчиво смотрит на зрителя. Поэзия его облика (кстати, Миша — действительно поэт) — как раз то, что нужно для создания образа механика, в котором проснулся творец. К сожалению, Миша совсем не мал ростом, но нужный ракурс исправит положение.

Илья Покойник — звезда рекламного ролика магазина «Культура», обязательно сыграет одного из зрителей — жлоба в куртке милитари, похожего на Капитана из фильма о кораблекрушении, который идет на экране. Ну и, естественно, самого Капитана.

На роль неформальской парочки прекрасно подойдут Фил, контрабасист группы «Почерс», и Лена, их вокалистка. Они — идеальный дуэт на сцене и хорошие друзья в жизни.

На роль парня с вампирически-бледным лицом я мысленно утверждаю Роджера — бывалого тусовщика и, вдобавок, студента моей же кафедры.

Из-за ночных клубных бдений лицо его часто выглядит благородно-изможденным. Аристократическую жилку он умудрился проявить еще в клубе «Там-там», легендарной петербургской рок-клоаке, появившись там в идеально белом пиджаке. Увидев сверкающего чистотой Роджера с набриолиненным коком и высокомерным выражением лица, потертые там-тамовцы роняли изо рта сигареты и долго провожали его взглядом.

Не хватало только надменной красавицы, однако и она скоро нашлась. Роджер посоветовал обратить внимание на Свету Шерстобитову, с курса на год младше. Встретившись с ней, я про себя отмечаю, что это как раз та девушка, которую я мысленно отметил, присутствуя на одном из кафедральных капустников. Света стройна, мила и полна энтузиазма.

Вот и все. Сама группа Scary B.O.O.M. появится в кадре лишь мельком, в качестве музыкантов, играющих на гибнущем судне. Мне хочется снять маленькое кино, рассказать забавную историю. Нашей музыки за кадром вполне достаточно. Телевидение завалено клипами, герои которых, сердито нахмурив брови, суют в объектив то головы, то руки, старательно подражая ниггерской распальцовке. Хватит.

8. «АВРОРА»

Осталось определиться с натурой. Подходящий для съемок корабль в городе всего один. Стоящий на вечном приколе крейсер «Аврора», музейный, военный и исторический объект, символ города. Получить разрешение на съемку будет наверняка непросто. В меня вселяет надежду лишь то, что прецеденты имеются. После выхода популярного сборника «Митьковские песни», для которого наши рок-звезды и художники записали известные морские песни с бойким современным аккомпанементом, они отправились на «Аврору» и сняли что-то вроде простенького фильма, побродив по палубам корабля под звуки собственной фонограммы. Получилось скучновато, но, наверное, никто и не ставил перед собой грандиозных творческих задач.

Было и еще кое-что, позволявшее мне рассчитывать на удачу. Особая связь с крейсером, заключавшаяся в том, что именно на его палубе я был принят в пионеры. Наш класс был разбит на три смены приема. Наиболее достойные попали в первую и отправились к памятнику блокадным ленинградцам. Откровенные нарушители и отстающие были задвинуты в третью, а я с представителями не идеального, но вполне надежного советского юношества оказался в респектабельной второй. И надо сказать, что с местом приема нам повезло больше всех. Единственным, что подпортило мое торжество, было то, что моя одноклассница случайно сломала стебель моей гвоздики, которую я должен был возложить к орудию, давшему исторический выстрел. На черно-белом фото в семейном альбоме я стою с напряженным выражением лица и держу цветок двумя руками, чтобы он не развалился.

Погожим майским днем я бесстрашно перешагиваю ограждение и, поднявшись по трапу, предстаю перед дежурным, которому рассказываю о цели своего визита. Меня проводят в командирскую каюту. И тут я начинаю врать. Моя легенда проста. Я студент института культуры, снимаю фильм о городе. Несколько планов хотелось бы снять с «Авроры» и на корабле. Лгать мне не совестно, потому что я понимаю — хуже от этого никому не станет. А вот польза будет несомненной. Мало того, что в российскую экономику вольется тысяча самурайских долларов, так еще и вклад в современную культуру сделаем. Командир корабля, невысокий худощавый мужчина лет пятидесяти, выслушивает меня внимательно, но без особого интереса. «Знаешь что, — говорит он, задумавшись, — у нас теперь есть коммерческий отдел, вот они такими вопросами и занимаются. Ты заходи на следующей неделе, а я пока с ними свяжусь».

«Это жестокие слова, мистер Холмс», — хочется сказать мне в ответ. Я представляю ушлых людей, с которыми мне придется столкнуться, и настроение стремительно падает. На такую роскошь, как аренда крейсера начала века, денег у меня нет. С Димой Сахаровым мы уже прикинули, сколько уйдет на технику и оплату персонала. Прилично. К этому нужно добавить транспортные расходы и минимальное питание (ну уж хотя бы пиво) для актеров. Словосочетание «коммерческий отдел» расстроило меня дальше некуда. В тот момент я полагал, что эпопея с «Авророй» закончилась, не начавшись, и не мог представить, с какой стороны придет спасение. Но оно пришло, закономерно и неожиданно одновременно, выждав предварительно ни много ни мало — сто лет.

9. «КУЛЕК»

Моя ложь о мнимом студенчестве не была совсем уж отчаянной. Институт культуры, именуемый в народе «Кульком», я окончил три года назад. Друзья с младших курсов все еще продолжали учебу, и я всегда приходил на их капустники, а иногда и участвовал в них. В общем,

я вполне ощущал себя частью кафедры — ветераном, не снимающим руку с пульса.

Мое поступление в «Крупу» (еще одно прозвище, происходящее от фамилии Надежды Константиновны), было неожиданным и резким поворотом в моей жизни. Изначально я твердо придерживался художественной линии. Вначале была изостудия при дворце пионеров имени Жданова. Потом — детская художественная школа № 1 на Фонтанке. Далее — подготовительные курсы в «Мухе» и, наконец, вступительные экзамены. Оценки за композицию и живопись еще оставляли надежду на поступление, а вот рисунок все погубил. Во-первых, я еще не до конца изжил чужеродную для этого института манеру — наносить тяжеловесные тени, все сильнее зачерняя их у дальней части гипса. В «Мухе» было принято изображать приближенную часть четко и контрастно, а удаленную — как бы растворять в пространстве. Во-вторых, вместо капители на подиуме я обнаружил старуху-натурщицу. Это окончательно выбило меня из колеи, потому что живое лицо я не рисовал никогда. Старушенция вышла у меня невыразительной и, с перепугу, непропорционально маленькой на листе, что было очевидным и совершенным позором.

Сумма баллов оказалась недостаточной. Я приуныл, хотя и не сильно. Истории о поступлении в «Муху» с третьей, четвертой и даже пятой попытки были общеизвестны. Там действительно требовался высокий уровень, а также ценилась платная подготовка у кого-нибудь из тамошних преподавателей.

Возвратившись домой на щите, я отправился к школе, в наш вечерний клуб, обитавший на крыльце 318-й. По дороге я встретил своего одноклассника Максакова. «Ну что, поступил?» — спросил он. «Естественно, — соврал я не задумываясь, — в университет, на философский». «А я на болгарскую филологию», — ответил Владик, также честно и спокойно, как я ему, глядя мне в глаза.

По окончании первого лета свободного плавания было решено отправить меня на учебу в лицей «Купчино» и параллельно — на занятия по рисунку. Лицеистам предстояло стать вдохновенными краснодеревщиками, лицеисткам — грациозными штукатурщицами. За тамошние гипсы и натюрморты я получал пять, нимало не утруждаясь, а вот у мухинского преподавателя — согбенного старика с длинным тонким носом, напоминающего вырезанного из коряги лесовика с детской площадки, мне пришлось непросто.

Его крохотная мастерская, забитая мольбертами и учениками, находилась в чердачном помещении старого дома на площади Грибоедова. Начали мы с Вольтера. «Вот посмотрите, какой у него нос, — говорил лесовик, — наверное, он в год кабана родился». Астрологической теме он уделял особое внимание. Где-то у него был особый гороскоп, из которого он зачитывал по секрету отрывки лишь самым возлюбленным ученикам. Я в их число не входил. Учитывая, как мне хотелось в то время получше разузнать о своем предназначении, я злился неимоверно. Вторым пунктиком лесовика была нетерпимость к любому звуку. Он выключал радио и прохаживался между мольбертами под шорох карандашей и резинок. Его приближению предшествовала волна хорошо выдержанного перегара. Мой рисунок прогрессировал — становился легче и убедительней. Глаз уверенно подмечал грани и плоскости. В то же время я томился от гнета тишины и ненавидел своего учителя с ног до головы. Обрезанные валенки, свитер, кулацкую душегрейку и зоркие глазки за стеклами, слегка потеющими от крепкого выдоха.

А в лицее творилась какая-то бестолковщина. Полгода мы скребли стекляшками старый паркет из актового зала (хороши краснодеревщики!), а потом изготовляли затирки для наших штукатурщиц. Наконец мне, как одному из лучших, было позволено приступить к изготовлению небольшой табуреточки. Я весело проводил время с новыми друзьями и прогуливал занятия. В перерывах между прогулами мы собирались на крыльце для перекура. Порой нас угощал сигаретами бандит Коля, строивший, с благословения дирекции лицея, сауну в подвале. Он был бы похож на добродушного деревенского тракториста, если б не ясные голубые глаза — слишком холодные для землепашца. Коля не скупился на курево и подолгу трепался с нашими штукатурными подругами. Закончилось это вполне закономерно, когда одна из них, Маша Ростомеева, объявилась пред лицом своих сестер в слезах и, захлебываясь, объявила, что Коля со товарищи изнасиловал ее в той самой недостроенной сауне.

Неожиданно перегар учителя рисования сложился с Колиной подлостью, как две идеально подогнанные детали. Мне уже не нужен был мистический гороскоп лесовика, чтобы понять — я еду не в ту сторону. Лицейское безделье начинало меня пугать. Напряженное молчание у мольбертов ужасало не меньше. Я дернул стоп-кран и вечером, на кухне, объявил родителям о полном прекращении наступления на художественную высоту. Мое заявление было встречено мужественно, хотя и тревожно. И что же я теперь собираюсь делать? «А ничего, — ответил я, — буду все

свое время отдавать музыке». Такой вариант был решительно отвергнут: музыка музыкой, а образование образованием. И не надо это противопоставлять.

В моих руках снова оказалась брошюрка с описанием ленинградских вузов. Я принялся за музыкальные училища и с горечью обнаружил, что абитуриентов без начальной подготовки там вовсе не ждут. Это мне показалось несправедливым. А песни собственного сочинения? А «Кремона» с мастеровыми звучками? А мечты о славе и идеальный вкус? Это что, не считается? Выходило, что нет.

Эстрадное отделение института культуры имени Крупской также оказалось для меня неприступным. Хореография, библиотечный — спасибо, не надо. Режиссура театрализованных форм массового досуга — мм... возможно. В конце концов, «институт культуры и отдыха», как его иронично именовали в городе, не предполагал чрезмерного напряжения сил. Буду больше репетировать с группой и стану звездой.

Весной я прибыл на день открытых дверей и, поплутав по лабиринту лесенок и коридоров, вошел в огромный, пахнущий сырой штукатуркой актовый зал с рядами багровых сидений. Тут уже дожидались заведующих кафедрами два десятка будущих студентов. Сначала появился завкафедрой менеджмента, вызвавший у меня снисходительную улыбку. Звание «менеджер» подходило ему ровно так же, как «лицеист» — столяру-пэтэушнику. Это был пожилой мужчина с привольно выпятившимся животом, в костюме родом из семидесятых, коротким клоунским галстуком с широким узлом и коричневой накладкой, набекрень насаженной поверх седых остатков собственных волос.

А потом появился наш, и я с удовольствием заметил, что будущие менеджеры посмотрели на него с легкой завистью. Мужчина лет сорока со спортивной стрижкой, в кожаной куртке, покручивая на пальце ключи от собственного автомобиля, вышел перед нами и вальяжно облокотился на сцену. Из-под ворота рубашки у него виднелась золотая цепь. Глаза его почти скрывали затененные очки — «капли», хотя и сквозь них было заметно, что смотрит он слегка насмешливо. Крутой. Изначально это слово не требовало дополнения.

> А я люблю военных, красивых, здоровенных.
> Еще люблю крутых и всяких деловых —

пела группа «Комбинация». Слово «крутой» обозначало общественный статус независимо от профессии. Можно было разливать паленую водку в подвале или выезжать с паяльником на сеанс делового массажа к партнерам. Можно было заведовать престижной кафедрой. Все это не имело значения. Если твое дело должным образом отражалось на внешнем виде, то окружающие сразу же смекали, что к чему.

В общем, наш Аскольд Аркадьевич оказался именно таким: крутым и деловым. Поправив горбачевским движением свои «капли», он поведал нам о том, что кафедра набирает второй курс, что специализация наша — это не стадионы и площади, а элитарные мероприятия для иностранцев. «Ну а если кто петрушкой желает перед толпой скакать, то это пожалуйста, к Петрову на массовые праздники, — заключил он, — а если хочется свой кусок хлеба с маслом и... с икрой, то добро пожаловать к нам». После эффектной коды он отправился к выходу. Я вообразил, как абитуриенты встают, выстраиваются и, поджав передние лапки, гуськом бегут за звоном его ключиков. К поколению дворников и сторожей я не принадлежал и не планировал укреплять свою репутацию самоотверженным поглощением портвейна с неизбежным лечением и воцерковлением в конце. Справедливо рассудив, что добрая порция сладкой жизни ничуть не повредит карьере музыканта, я мысленно пристроился к остальным. Выбор был сделан.

Экзамены прошли гладко, особенно та часть, которая касалась специальности. Спеть песню (я выбрал «Аукцыон» — «Книгу учета жизни»), рассказать прозу (Хармс), сочинить и поставить этюд по ключевым словам и пословице. Все это нужно было реализовать сейчас же, используя в качестве актеров своих соратников по абитуре. Это был вызов, но не усидчивости и кропотливости, а напору и фантазии. И это меня абсолютно устраивало. Вместе со мной поступал Максаков, оказавшийся таким же липовым филологом, как я философом. Всеобщая вечеринка новорожденной группы номер 145, в сталинском доме на проспекте Металлистов, ознаменовала победное окончание экзаменов. Блики вечернего солнца на кувшине с оранжевым «инвайтом», брызги крови на моей футболке от разбитых о струны пальцев, безостановочная перепасовка остротами — в несколько ярких мазков была готова картина студенческого счастья, которое обещало длиться четыре года.

Осенью, по окончании уборочных трудов на полях колпинского колхоза имени Тельмана, мы приступили к занятиям. В своих сценических работах мы ориентировались, как ни странно, на экранные образцы. Главными кумирами у нас почита-

лись Комаров, Барский и Делиев из «Маски-шоу» и Лесли Нильсен — герой абсурдных американских комедий вроде «Аэроплана» и «Голого пистолета». Мы, как могли, копировали их приемы, часто приводя преподавателей в ступор каскадом бессмыслиц, понятных исключительно нам самим. Хорошие театральные постановки были редки и дороги, поэтому все наше творческое внимание и обожание было направлено к новинкам кино.

Прошло время, и этот интерес утвердился на кафедре официально, в качестве отдельного курса по истории кинематографа. Вел его Борис Самсонович Пенхасович, пожалуй, самый пожилой преподаватель на кафедре, судя по тому, что воевал он не только в Великую Отечественную, но и в финскую. Он был невысокого роста, но крепок, а быстрые движения выдавали в нем холерика. Седые волосы он зачесывал на косой пробор и имел усы — однако не моржовой щеткой, как у Руцкого, а тонкой изящной полоской, в стиле героев старого американского кино.

Борис Самсонович входил в аудиторию, усаживался и доставал свои записи — пожелтевшие горизонтальные карточки, нарезанные из листа писчей бумаги. Свой рассказ он повел, естественно, от самых истоков — «Выхода рабочих с фабрики», «Политого поливальщика», «Стеньки Разина». «Максим Горький, — рассказывал он, — впервые посетив кинематограф, был встревожен. А не появятся ли в скором времени кинокартины с заголовками вроде "Елена выходит из ванной"?» Мы понимающе закивали — да, да, фильмы такого содержания нам встречались. Если тема становилась особенно интересной, правый миниатюрный ботиночек Бориса Самсоновича начинал отбивать под столом восторженную чечетку. Один раз он продемонстрировал нам черно-белую фотографию, где он, импозантный темноволосый мужчина — вылитый Кларк Гейбл, сидит за столом какого-то собрания рядом с Тарковским. Мы хором протянули одобрительное «о». Борис Самсонович выглядел куда солиднее автора «Сталкера». Свою любовь к прекрасному полу Пенхасович выражал в дарении нашим девушкам конфеток за удачный ответ и очень часто заканчивал занятие раздачей билетов в Дом кино. Туда мы приходили смотреть и новинки, и немые фильмы, обнаружив, к своему удивлению, что актеры прошлого ничуть не наигрывали, в отличие от тех, кто пародировал их стиль позднее. Иногда, чтобы представить свой фильм, на сцену поднимались режиссеры. Заявившись на показ картины «Ленинградские ковбои едут в Америку», мы с интересом наблюдали, как к микрофону подошел одетый по моде брежневского застоя мужчина в сером свитере. Через переводчика он сообщил: «Гении кино — это Пудовкин, Вертов... мой фильм не имеет к этому никакого отношения. Так что тем, кому по-настоящему дорого искусство кино, рекомендую присоединиться ко мне в баре». Аки Каурисмяки слегка качнуло, и он отправился за кулису под гром аплодисментов.

Однажды Борис Самсонович, усевшись за стол и разложив карточки для лекции, самым обыденным тоном заявил: «Ну вот... сегодня утром умерла моя жена...» Мы охнули. Он немного посмотрел в сторону, как бы что-то припоминая, потом перевел взгляд на записи и снова поднял на нас покрасневшие глаза. «Сегодня мы поговорим о...» Его слов я уже не слышал. Я сидел и представлял, как в опустевшей и тихой, по-стариковски пахнущей лекарствами квартире Борис Самсонович собирает свои карточки, надевает пальто и вставляет ноги в свои маленькие ботиночки, чтоб идти к нам на лекцию. Сердце разрывалось от жалости. На лицах друзей я видел то же чувство. А Борис Самсонович закончил занятие, раздал полагающиеся конфетки и билеты и вышел из аудитории. Это, пожалуй, был один из самых важных его уроков — мужества и верности своему делу.

Продолжение следует.